

Цао Е проснулся. Рядом с ним не было Лян Сычжэ. Он сел на кровати, взял телефон и посмотрел на время: 9:30 вечера. Смена часовых поясов — мучительный процесс. Цао Е потёр виски. Из соседней комнаты доносился голос Лян Сычжэ. Он встал с кровати, открыл дверь и чуть не задохнулся от запаха сигаретного дыма, исходившего из гостиной. Пепельница на журнальном столике была полна пепла и окурков. Вот же... Ещё пару дней назад он спрашивал у него, как бросить курить, а теперь сам дымил как паровоз. Дверь в соседнюю комнату была приоткрыта, и оттуда доносился обрывистый голос Лян Сычжэ:

— Остальные планы обсудим позже. Сначала нужно удалить эту запись.

— Тогда платите. Спросите, сколько они хотят, чтобы назвать того, кто слил видео.

Какое видео? Цао Е взял телефон. В групповом чате было много новых сообщений, но он не успел их просмотреть. Он открыл Weibo. Тема «Лян Сычжэ Запись» висела на первом месте в трендах. Цао Е открыл первое попавшееся видео. Вместе с субтитрами раздался голос Линь Яня: «Ты повернулся и побежал к Цао Сююаню, чтобы получить свою награду за лучшую мужскую роль! Тебе приятно было получать эту награду? Ты чувствовал себя спокойно? Ты знаешь, что такое неблагодарность?» У Цао Е запульсировало в висках, на лбу вздулась вена. Он не смог дослушать и нажал на паузу. Это была запись с вечеринки по случаю окончания съёмок. Он просил Чэн Дуаня подготовить подарки для всех присутствующих, чтобы никто не проболтался, но запись всё равно утекла.

Впрочем, Чэн Дуаня не в чем было винить. На вечеринке было более ста человек. Кроме основной команды Цэн Жаня, большинство присутствующих работали в съёмочной группе всего несколько месяцев. С таким количеством людей сложно было гарантировать, что все будут держать язык за зубами. В конце концов, продажа записи СМИ, учитывая популярность Лян Сычжэ, должна была принести неплохие деньги. Цао Е был расстроен. Он не хотел читать комментарии, но и без того понимал, что Лян Сычжэ снова столкнулся с волной негатива.

Запись уже была опубликована. Даже если её удалить, это вряд ли остановило бы пользователей от домыслов. Остаётся только всё объяснить. Раз уж эти слова произнёс Линь Янь, то его объяснения должны быть достаточно убедительными. Цао Е позвонил Линь Яню, но тот не ответил. Он переоделся, взял куртку с вешалки, надел её и вышел из комнаты. Лян Сычжэ закончил телефонный разговор и вышел из спальни. Увидев Цао Е у двери, он спросил:

— Цао Е, ты куда-то идёшь?

— Да, я к Линь Яню. И перестань курить, — сказал Цао Е и закрыл за собой дверь. Он зашёл в лифт и, прислонившись к стене, вздохнул. Каждая волна негатива в сторону Лян Сычжэ была так или иначе связана с ним. Сначала драка с продюсером, потом с журналистом, а теперь ещё и обвинения в неблагодарности.

Чэн Дуань называл его талисманом Luomeng но, похоже, он не приносил Лян Сычжэ никакой удачи. Он не хотел, чтобы Лян Сычжэ подвергался нападкам и критике, но каждый раз всё это было связано с ним. Разве Лян Сычжэ мог быть неблагодарным? Цао Е закрыл глаза. Пять лет

назад он был заиклен на себе и не видел трудностей Лян Сычжэ, но теперь, глядя на ситуацию с его точки зрения, он понимал, что 23-летний Лян Сычжэ оказался между двух огней. У него было два пути: предать доверие или отказаться от долга.

Лян Сычжэ выбрал помочь Цао Сююаню, защитить Цао Е, но не подумал о себе. Он стоял на краю пропасти и с закрытыми глазами прыгнул вниз. Он был честен и благороден. Как он мог быть неблагодарным? Цао Е мчался на машине к дому Линь Яня. Он резко затормозил, выскочил из машины и взбежал по лестнице. Остановившись перед дверью Линь Яня, он нажал на звонок. Линь Янь открыл не сразу. Он был неопрятно одет, как будто занимался чем-то не слишком приличным:

— Что случилось, Е-цзы?

Цао Е открыл запись на телефоне и сунул ему в руки:

— Сам послушай.

Линь Янь взял телефон. Цао Е прошёл мимо него в ванную, чтобы умыться. Линь Янь прослушал запись в гостиной и крикнул в сторону ванной:

— Кто это слил журналистам? Эй, Е-цзы, только не надо на меня наговаривать! С нашей-то дружбой, если бы я это слил, то сначала бы запикал твоё имя!

Цао Е вышел из ванной с мокрым лицом:

— Какое имя?

— Твоё имя! — Линь Янь промотал запись до конца. — Ты что, не знаешь?

Только тогда Цао Е услышал последнюю фразу:

— Без Цао Е ты бы, блядь, сейчас...

В тот вечер он напился до беспамятства и совершенно не помнил, что говорил Линь Янь. А сейчас он не дослушал запись до конца. Он только понял, что она касается не только Лян Сычжэ, но и его самого. Линь Янь недоверчиво посмотрел на него:

— Ты что, даже не прослушал запись до конца, прежде чем прийти ко мне? Специально пришёл отомстить за Лян Сычжэ?

Цао Е взял телефон из рук Линь Яня и пролистал комментарии:

«Что за неблагодарность? Похоже, Лян Сычжэ обвиняют в том, что он снялся в фильме Цао Сююаня. Но ведь Цао Сююань его главный благодетель!»

«Кто-нибудь может объяснить, кто такой Цао Е и какое он имеет отношение к Цао Сююаню?»

«Получается, что настоящий благодетель Лян Сычжэ — Цао Е? Но Цао Сююань действительно вырастил Лян Сычжэ. Что происходит?»

«Да зачем вы все так серьёзно относитесь к этому? Запись обрывочная, никто не может подтвердить, что Лян Сычжэ присутствовал там. Может, это всё было подстроено».

«Я нашёл кое-какую информацию о Цао Е. Основатель Luomeng. И «Роковой выбор» — это фильм, который финансировала Luomeng...»

«Получается, Лян Сычжэ тогда в аэропорту сказал, что согласился на пересъёмки, чтобы отплатить за добро. Значит, он имел в виду Цао Е? В этом случае я не считаю его неблагодарным. Он снизил свой гонорар, чтобы стать дублёром Хуан Цяньши, да ещё и на второстепенной роли. Сколько тогда было разговоров о том, что он опустил...»

Линь Янь тоже взял свой телефон и просмотрел комментарии:

— Star News я знаю. Это те самые журналисты, которых избил Лян Сычжэ. Он тогда поднял им рейтинг, и они, распробовав вкус скандала, начали следить за ним. Они готовы купить любую информацию о нём. — Он похлопал Цао Е по плечу. — Вот что значит быть звездой! Ни у кого больше нет личного хейтерского СМИ.

Цао Е помолчал, а затем сказал:

— Линь Янь, ты знаешь, почему Лян Сычжэ тогда избил журналиста?

— Одна из десяти главных загадок индустрии развлечений. Откуда мне знать... Ты что-то знаешь? Расскажи!

Цао Е поджал губы и через некоторое время сказал:

— Тогда Чжан Минхань обвинил Цао Сююаня в домогательствах, и СМИ, пользуясь повышенным вниманием, хотели опубликовать статью о его семье. Лян Сычжэ узнал об этом и срочно созвал пресс-конференцию, чтобы предложить СМИ сделку: один скандал в обмен на другой. Но Star News не выполнили условия сделки и собирались опубликовать статью, поэтому Лян Сычжэ избил журналиста.

Линь Янь, выслушав его, замер на мгновение, а затем наклонился к Цао Е:

— Лян Сычжэ тебе так сказал? Ах ты, мой наивный братишка... Лян Сычжэ, наверное, опять тебя обманул, а ты и поверил!

Цао Е не знал что ответить. Он и правда не должен был откровенничать с Линь Янем. Цао Е взял себя в руки и наконец озвучил цель своего визита:

— Янь-гэ, эта запись так или иначе связана с тобой. Ты должен мне помочь.

Линь Янь развалился на диване:

— И чем же я могу помочь?

— Опубликуй опровержение в Weibo.

— Ты хочешь, чтобы я опубликовал опровержение в своём аккаунте с миллионом подписчиков? Сколько ты мне за это заплатишь?

— Назови свою цену.

— Всё, ты безнадежен, Цао Е. Лян Сычжэ что, приворожил тебя?

Выйдя из дома Линь Яня, Цао Е сел в машину и какое-то время тупо смотрел на телефон. Иногда, напившись и потеряв контроль над собой, он мечтал, чтобы весь мир узнал об их отношениях с Лян Сычжэ. Но теперь, когда эти отношения действительно грозили стать достоянием общественности, Цао Е почувствовал страх.

С одной стороны, публичное раскрытие их отношений могло негативно повлиять на актёрскую карьеру Лян Сычжэ. У того был настоящий талант, он был рождён для большого экрана, и Цао Е не хотел, чтобы их роман стал для него обузой. С другой стороны, сам Цао Е тоже боялся огласки. Он не понимал, чего именно он боится. Ведь когда-то он говорил Лян Сычжэ не бояться камер, но все эти годы сам испытывал необъяснимый страх перед объективами.

Он вспомнил, как несколько лет назад все газеты пестрели статьями об обвинениях Цао Сююаня в домогательствах. Он ходил по улицам, опустив глаза, боясь, что его узнают как сына Цао Сююаня. Но сейчас, когда о скандале почти забыли, он всё ещё боялся, что все узнают, кто его отец. Слава Цао Сююаня была слишком яркой, и эта яркость отбрасывала на него огромную тень. Все эти годы он старался избегать этой тени. Он боялся, что, видя его или Luomeng, люди прежде всего будут вспоминать Цао Сююаня. Он хотел избавиться от этого наследия.

События развивались быстрее, чем ожидалось. Для публики Лян Сычжэ был загадкой, которую все хотели разгадать. И теперь, когда в этой тайне появилась трещина, многие пытались заглянуть в его личную жизнь. Лян Сычжэ сидел на диване и читал комментарии на экране телефона. Запись уже была удалена отделом по связям с общественностью. Но догадки о личности Цао Е продолжались:

«Я нашёл старый фильм с Цао Сююанем, где роль маленького принца играет Цао Е. В интервью Цао Сююань говорил, что взял своего сына на съёмки. Так что Цао Е, скорее всего, его сын».

«Сын Цао Сююаня примерно одного возраста с Лян Сычжэ. Как он может быть его благодетелем?»

«Несколько лет назад СМИ писали, что во время кастинга на «Тринадцать дней» сын Цао Сююаня и Лян Сычжэ боролись за роль сяо Маня, и в итоге роль досталась Лян Сычжэ».

«Похоже, Luomeng финансировала не только «Роковой выбор», но и «Попробуй сказать ещё раз».

«Мой друг, который работает в съёмочной группе, сказал, что человек, который завязывал Лян Сычжэ галстук, — это Цао Е. Они вместе ездили на Берлинский кинофестиваль».

«Так какие у них отношения? Конкуренты? Благодетель и должник? А теперь ещё и любовники???»

«Глава Luomeng встречался с Линь Хуань, и Лян Сычжэ тоже встречался с Линь Хуань. Они не могут быть парой».

Слухов было множество, и все они были противоречивыми. Вскоре имя Цао Е тоже попало в тренды. Лян Сычжэ сжимал телефон так сильно, что костяшки пальцев побелели. Он всегда хотел защитить юношескую наивность Цао Е, оградить его от камер и внимания публики, но теперь из-за него Цао Е был вынужден предстать перед всем миром. Лян Сычжэ всегда понимал, что если они с Цао Е хотят быть вместе, то этот день рано или поздно настанет. Они не могли вечно скрываться от камер, жить втайне ото всех. Но он не ожидал, что это случится так скоро.

В день церемонии награждения, когда Цао Е подошёл к нему, чтобы завязать галстук, Лян Сычжэ подумал о том, что их могут снимать. Но ничего не сказал. Его мальчик стоял перед ним и завязывал ему галстук. Эта сцена была прекрасна, как сон, и он не хотел разрушать её. Чэн Дуань говорил, что Цао Е ненавидит тайные отношения и поэтому расстался с Линь Хуань. Лян Сычжэ не знал, как долго продлятся их отношения с Цао Е. Лян Сычжэ стоял у окна и прикуривал сигарету. Как только она загорелась, раздался щелчок — дверь открылась, и вошёл Цао Е. Они посмотрели друг на друга. Цао Е спросил:

— Ты всё ещё куришь?

— После твоего ухода я не курил, — Лян Сычжэ потушил сигарету и открыл окно, чтобы проветрить комнату. Он старался говорить непринуждённо. — Только прикурил, и ты тут как тут. Вовремя.

— Мне просто везёт. За что ни возьмусь — всё получается, — Цао Е разулся, прошёл в комнату и поставил еду на стол. Он пошутил: — Так что, Лян Сычжэ, будь осторожен, а то поймаю тебя с поличным.

Лян Сычжэ улыбнулся в ответ:

— Ты ещё и об этом беспокоишься?

— А как же? Сколько людей наблюдают за тобой! Идём есть, я умираю с голоду.

Они оба пытались делать вид, что всё в порядке, но между ними чувствовалось напряжение. У каждого были свои мысли, и никто не решался начать разговор. Проглотив несколько кусочков, Цао Е ответил на звонок Чэн Дуаня:

— Понял. Пусть сяо Мэн завтра привезёт документы на подпись.

По обрывкам фраз Лян Сычжэ догадался о содержании разговора. Когда Цао Е повесил трубку, он спросил:

— Папарацци дежурят у Luomeng?

— Ага, — Цао Е отложил телефон и обнял Лян Сычжэ за плечи. — У меня снова отпуск. Сычжэ-гэ, давай завтра оторвёмся.

Лян Сычжэ подумал, что Цао Е совсем не изменился. Он всегда умел мастерски обходить темы, которые не хотел обсуждать. Десять лет назад он не стал расспрашивать его о шраме от скрипки, а теперь избегал разговора об их тайных отношениях. Только перед сном Цао Е увидел сообщения в групповом чате и узнал, что GIF-изображение, на котором он завязывает галстук Лян Сычжэ, разлетелось по всему интернету.

Цао Е открыл гифку. Он ненавидел, когда его снимали тайком, но, когда объектив был направлен на него и Лян Сычжэ, он почему-то не чувствовал такого отвращения. Потому что на этой гифке они выглядели близкими и непринуждёнными, как лучшие друзья и идеальная пара. Линь Янь прислал сообщение в WeChat: «Опубликовал в Weibo».

Цао Е открыл Weibo Линь Яня. Тот написал довольно неплохой пост: «Хватит гадать. Это я

заплатил, чтобы удалить эту запись. И слова на записи тоже мои. У нас с Лян Сычжэ было небольшое недопонимание, я был пьян и нёс чушь. Прошу прощения у всех, кто это видел. Сейчас это недоразумение улажено, так что расходитесь. Извини, брат @ЛянСычжэ, я завтра угощу тебя выпивкой в качестве извинений».

В профиле Линь Яня было указано, что он генеральный директор Dongsheng Films. После публикации этого поста разговоры о неблагодарности Лян Сычжэ быстро утихли. В конце концов, человек, который обвинял Лян Сычжэ в неблагодарности, теперь называл его братом. Вряд ли между ними был серьёзный конфликт. Лян Сычжэ вышел из душа со стаканом воды:

— Хочешь пить?

— Нет, не хочу, — Цао Е протянул ему телефон. — Посмотри. Хочешь ответить ему в комментариях?

Лян Сычжэ поставил стакан на тумбочку, взял телефон и пробежал глазами текст. Слова Линь Яня казались дружескими, но это была всего лишь формальность. Ему нечего было ответить, поэтому он бросил телефон Цао Е:

— Ответь сам.

Цао Е взял телефон, открыл Weibo Лян Сычжэ и написал под постом Линь Яня: «Спасибо, Яньгэ». Линь Янь быстро ответил: «Тц».

Цао Е долго лежал в постели с закрытыми глазами, но не мог заснуть. Он слишком много спал днём, да и мысли ему не давали покоя. Он всё ещё думал о комментариях в интернете. Сейчас все пытались выяснить, кто он такой, словно вели расследование. Цао Е не знал, проснётся ли он завтра просто Цао Е или сыном Цао Сююаня. Но он боялся пошевелиться, чтобы не разбудить Лян Сычжэ. Тот наверняка толком не спал после перелёта. Через какое-то время он почувствовал, что кровать пуста. Лян Сычжэ вышел из спальни.

«О чём он думает?» — размышлял Цао Е, лёжа в постели. Волнуется ли он из-за того, что их отношения могут раскрыться?

Он понял, что не очень хорошо умеет читать мысли Лян Сычжэ. В юности Лян Сычжэ был таким же: никогда не рассказывал о своих переживаниях, предпочитая залечивать раны в одиночестве на крыше. Даже когда они жили три месяца вместе, Лян Сычжэ ни словом не обмолвился об аварии, в которой погибли его родители. Казалось, он всегда всё держал в себе. Цао Е сел на кровати и тихо подошёл к двери. Он открыл её и вышел в гостиную. Комната была залита лунным светом. Лян Сычжэ сидел у окна, вертя в руках незажжённую сигарету.

Цао Е стоял в дверях, и Лян Сычжэ посмотрел на него. Сначала они молчали, несколько секунд смотрели друг на друга, а затем Цао Е подошёл к нему, присел на корточки и тихо спросил:

— Лян Сычжэ, почему ты грустишь?

Лян Сычжэ молча посмотрел на него. Его взгляд был тёмным. Он спросил:

— А почему грустишь ты?

— Я не грущу.

Лян Сычжэ тихо усмехнулся:

— Тогда и я не грущу.

— Ладно, я скажу тебе правду, но и ты тоже должен мне всё рассказать, — попросил Цао Е.

— Хорошо, — ответил Лян Сычжэ.

Цао Е помолчал немного, а затем сказал:

— Я боюсь огласки.

Он использовал слово «боюсь», а не «не хочу». Лян Сычжэ посмотрел на него и спросил:

— Чего ты боишься?

— Я... — Цао Е запнулся, а затем продолжил. — Это может прозвучать глупо, но я не хочу, чтобы меня воспринимали только как сына Цао Сююаня, я не хочу жить в его тени.

Этот ответ отличался ото всех предположений Лян Сычжэ. Он слегка опешил:

— Только из-за этого?

— Да, — ответил Цао Е. — Знаю, это глупо. Но... я не хочу, чтобы всё доброе отношение и внимание ко мне были связаны с Цао Сююанем. Как будто... из-за Цао Сююаня, моё существование не имеет смысла.

Лян Сычжэ посмотрел на Цао Е. Тот редко проявлял негативные эмоции, и Лян Сычжэ почти забыл о его неуверенности в себе, которую он показывал, когда был пьян. Он немного подумал, затем взял Цао Е за руку и, опираясь на другую руку, поднялся:

— Пойдём, я кое-что тебе покажу.

Цао Е встал:

— Что это?

— Видео, — Лян Сычжэ повёл его в сторону домашнего кинотеатра. — Я хотел показать его тебе на день рождения, но теперь подумал, что не стоит ждать. Считай, это подарком на твой двадцать шестой день рождения.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130327>